

Тарасенко Татьяна Петровна

СПЕЦИФИКА ИДИОСТИЛЯ В. И. ДАЛЯ В ПОВЕСТИ "ЦЫГАНКА" (ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Данное исследование посвящено анализу идиостилевых черт, содержащихся в повести "Цыганка" В. И. Даля. Идиолект писателя рассматривается на лексическом и стилистическом уровнях языка. Языковые и стилистико-текстовые особенности произведения связаны с такими его характеристиками как языковая доминанта повествования, этнографизм, документализм, фольклорность, романтизм.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-3/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 3. С. 157-162. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'42:821.161.1

Данное исследование посвящено анализу идиостиловых черт, содержащихся в повести «Цыганка» В. И. Даля. Идиолект писателя рассматривается на лексическом и стилистическом уровнях языка. Языковые и стилистико-текстовые особенности произведения связаны с такими его характеристиками как языковая доминанта повествования, этнографизм, документализм, фольклорность, романтизм.

Ключевые слова и фразы: идиостиль; этнографизм; фольклоризм; ономастика; ойконимы.

Тарасенко Татьяна Петровна, к. филол. н.
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
tarasenkotp@mail.ru

СПЕЦИФИКА ИДИОСТИЛЯ В. И. ДАЛЯ В ПОВЕСТИ «ЦЫГАНКА» (ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Работа посвящена исследованию повести «Цыганка», принадлежащей В. И. Далю, автору всемирно известного «Словаря живого великорусского языка», художественное наследие которого изучено недостаточно и не раз подвергалось крайне противоречивым оценкам.

Творчество В. И. Даля – писателя получило положительные отзывы В. Г. Белинского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, Д. В. Григоровича и др. Так, Тургенев называл Даля замечательным и самобытным дарованием, «народным писателем», слог его произведений – «метким, живым, ладным». И. С. Тургенев отмечает особенность таланта Даля: «Русского человека он знает, как свой карман, как свои пять пальцев»; в конце своих размышлений над творчеством Даля он резюмирует: «Г-н Даль уже занял одно из почетнейших мест в нашей литературе» [7, с. 277].

Однако известны и негативные оценки художественного творчества Даля. Репутационный удар Далю как литератору наносит Н. Г. Чернышевский, ставящий под сомнение народность и художественность его произведений: «...из его рассказов ни на волос не узнаешь ничего о русском народе, да и в самих рассказах не найдешь ни капли народности» [9, с. 983]. К взглядам критика примыкают В. И. Семевский, А. Н. Пыпин, Л. Н. Майков.

Между тем, художественное творчество В. И. Даля, нашего великого соотечественника, заслуживает самого пристального изучения уже потому, что он оказал огромное, не сопоставимое ни с чем иным влияние на развитие национального литературного языка, заставил задуматься о значении живого великорусского языка, увидеть его красоту, необъятность образно-творческого потенциала. В. И. Даль относится к числу писателей, творчество которых не подвергалось всестороннему лингвистическому анализу. В то же время, изучение лексического состава, семантико-стилистических полей и всей гаммы изобразительно-выразительных средств языка конкретного произведения Даля позволит составить характеристику идиостиля писателя на определённом этапе его творчества. Все это предопределяет актуальность данного исследования, цель которого – анализ лексико-стилистических особенностей языка повести В. И. Даля «Цыганка», описание лексических пластов произведения, специфики функционирования изобразительно-выразительных средств как идиостиловых черт писателя, используемых автором для реализации идейно-художественного содержания произведения.

Говоря о степени изученности темы, отметим, что нет монографического исследования, в котором бы комплексно анализировались лексико-фразеологические и экспрессивно-стилистические средства, в которых проявляется оригинальный индивидуальный стиль В. И. Даля, особенности его поэтики, хотя отдельным сторонам самобытности художественного наследия Даля уделяли внимание такие учёные как С. В. Путилина, Н. В. Попова, Ф. Ф. Фархутдинова, Т. В. Губернская, Ю. П. Фесенко, О. В. Опря и др.

Под идиостилем писателя вслед за Котноровой М. П. мы понимаем «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, учёного, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [3, с. 95].

В XIX в. внимание писателей приковано к художественному изучению свободной личности, духовной организации «человека природы», к философским раздумьям над экзистенцией человека [5]. Поэтому неудивительно, что цыганская тема, в фокусе которой личность, наделённая яркой индивидуальностью, живущая в мире естественных ценностей, далёких от власти буржуазной собственности, эгоизма, увлекала поэтов, писателей. Цыганские мотивы и образы вдохновляли творчество Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, А. И. Полежаева, Е. Баратынского, Ап. Григорьева, А. Н. Апухтина, Н. М. Языкова, Ф. И. Тютчева, Я. П. Полонского, Н. С. Лескова, Л. Толстого, А. Блока, М. Цветаевой, М. Горького и др.

С цыганской темой вступил в литературу и В. И. Даль. Его повесть «Цыганка» (1830 г.), посвящённая молдавским цыганам, удостоилась высоких оценок знатоков художественного слова. Так, П. А. Плетнев замечает в письме к В. А. Жуковскому от 17 февраля 1833 г., что «Цыганка» Даля «очень замечательна. У него оригинальный ум и талант решительный» [6, с. 527]. Другой отзыв принадлежит В. К. Кюхельбекеру: «...Повесть Даля “Цыганка” (в “Телеграфе”) не без достоинства, особенно хороши главные два лица – Кассандра и Радукан...» [4, с. 299].

Дебютная повесть Даля содержит черты этнографизма, романтизма, фольклоризма, документализма, в ней отмечается языковая доминанта повествования, то есть в 1830-м году начинающий автор пытается найти свой собственный путь в литературе, представить свою языковую картину мира. И это новаторство Даля современный исследователь А. Л. Фокеев (2004 г.) именует «далевской этнографической школой», оказавшей влияние на творчество Н. В. Гоголя, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого и др. [8].

Рассмотрим, в чём особенности идиостиля повести «Цыганка». На наш взгляд, культурологическая, стилевая и языковая доминанты произведения составляют его неповторимость. Маркеры идиостиля Даля представлены в соответствии с уровнями языка.

Язык «Цыганки» привлекает читателя достоверностью наблюдений, самобытностью и любовью к простому народу, в нём широко представлены народно-разговорные и разговорно-просторечные лексические и фразеологические элементы.

На лексическом уровне особый интерес представляют устаревшие слова. Их назначение – внести в речевую ткань произведения колорит эпохи, перенести читателя в подлинный мир героев, обеспечить репрезентативность повествования. Устаревшая лексика рассматривается в двух планах: употребление историзмов и архаизмов.

В повести «Цыганка» употреблены писателем такие историзмы как: *фрак, сюртук, феска, янычар, дво-рецкий, поручик, дрожки, чернь, стольник, епанча, господарство, сотский, ямщик* [1] и др.

В качестве семантических архаизмов выделяем слова, которые употреблены в устаревшем с точки зрения современного русского языка значении, например: *чело, сей, сиречь, толмач, одр, коваль, бивак, келья, сени, кушак, фея, рекрут, уста, подле, дабы, тяжба, осьмушка, червонец* [Там же] и др. Таким образом, историзмы и архаизмы – темпоральный показатель, помогающий писателю создать своеобразие той эпохи, в которой разворачивается действие повести.

Для индивидуального стиля Даля характерны примечания автора при воспроизведении живой речи молдаван, греков, цыган, армян, сербов, албанцев, что, безусловно, обогащает структуру текста, создаёт ощущение присутствия читателя в речевой полифонии существующей реалии, в то же время это служит показателем коммуникативной культуры автора. Например: *«Джематати друм» (середина пути – молд.); «дракуль», т.е. черт; «Ба ну щу, не знаю»; турки говорят: вер бана чубук, «подай мне трубку», т.е. они чубуком называют весь снаряд с четками, с чашкою турецкого кофе; «Кум се поц! Как это возможно!»* [Там же, с. 273, 276, 293] и др.

Примета индивидуальности художественного текста Даля – ссылки на источник при употреблении редкого слова, выражения: *Этим струментом, как их называл один остряк... или как у нас говорится, говоря по-русски, как и у нас в протонародьи* [Там же, с. 276] и т.д.

Для творческого почерка В. И. Даля характерно введение в речевую ткань произведения народно-разговорной речи во всей её многоликости и многозвучии. Например, слова: *злоречие, посмотреть на эти вычурны красот молдавских; с какою хваткою и сноровкою; не пьют вовсе, разве тихомолком, у нас в гостях; старушка моя разворковалась; честил коменданта-поручика и весь причет; не бось; поколотят* [1] и др.

Используются также разговорно-просторечные слова и выражения, например: *сдуру, отколь*. Они придают речи непринуждённость, служат средством характеристики героев. На фоне нейтральных слов они отличаются экспрессией, выразительностью.

Нельзя не заметить ностальгический мотив повести: герой, находясь на чужбине, сравнивает всё увиденное с обычаями, традициями своей родины: *молдавские камни и деревья, казалось, не отличались от русских; дощатый летний домик не нашей постройки; не правда ли, это не так, как у нас? ...все это заставило вздохнуть от глубины души по родине, по отчизне; стоял один среди чужих мне племен и лиц; беспомощное положение моё в чужой земле, среди пустыни, один без помощи...* [Там же, с. 269-270]. Для передачи этого чувства автор использует лексику с коннотацией одиночества, неприкаянности, душевного дискомфорта: *чужой, пустыня, один, не нашей, не так, беспомощное положение*.

Этот мотив сочетается с религиозной темой, актуализирующейся в употреблении теологической лексики и сопряжённой с философскими обобщениями: *«Божись! В нашего бога не веруешь, а своего обманываешь...»* [Там же, с. 279]; *«Кто может не признать в нем этой частицы божества, этой искры бессмертия и не смирится перед сими знаменами непостижимой вечности?»* [Там же, с. 296].

Следует заметить, что все лексические раритеты, употреблённые в художественных произведениях автора, будь то лексика или фразеология, обнаруживаем и в знаменитом Словаре Даля [2], что подтверждает языковую доминанту созданных произведений, неослабевающий интерес автора к слову, в каком бы жанре он ни работал.

В лингвистическом арсенале повести В. И. Даля немало производных слов со сложной морфологической структурой, которые выполняют эмоционально-экспрессивную функцию, усиливают признак, действие, выражают стремление автора к детализации и точности обозначения того или иного явления: *зафилософствуешься, скоробегущих ног, многотрудный поход; вольнопрактикующий, священнодействующее «я», прихожане-разночинцы, поручика-коменданта, иностранца-ремесленника, филэллин или эллинофил, прозакладывал бы душу свою за него, высмоленные* [1] и др.

В тексте анализируемой повести автором употребляются глаголы с устаревшим узвальным значением, например: *погрешность* – в значении «оплошность, неловкость»; *пользую там больного* – «лечу»; *путеводитель* – «проводатый». Наряду с современной морфоструктурой, деепричастия совершенного вида оформлены посредством суффикса *-вши* или нулевой суффиксации: *не выдавши, вошед* и подобные. Такие формы отражают народно-разговорную среду, к которой Даль чутко прислушивался и из которой брал слова, их формы для воплощения стилистических интенций.

Проведённый компьютерный фоносемантический анализ значения ономастической лексики в повести, а именно – антропонимии, дал следующие результаты: *Фемистокл* – греч., женственный, нежный, горячий, трусливый, низменный. *Радукан* – лат., мужественный, храбрый, могучий, грубый, большой, сильный. *Кассандра* – греч., быстрый, мужественный, смелый, независимый. Таким образом, имена выбраны Далем не случайно: они соответствуют характеристикам, данным автором.

Документализм повести обеспечивается употреблением онимической лексики, среди которой встречаются ойконимы (*Валахия, Скуляны, Яссы, Плоиешти, Каралаи, Силистрия, Фокианы, Букарест, Бирлад*), гидронимы (*Прут, Рымник, Бузео, Милва*). Они являются текстообразующими единицами, расширяют топонимическое когнитивное пространство повести.

Речь героев индивидуализирована. Так, речи рассказчика присущи книжная лексика, культура речевого общения, соблюдение речевого этикета даже в самых острых психоэмоциональных коммуникативных ситуациях: *я хотел научиться уважать и ценить человечество* [Там же, с. 289]. Однако герою-рассказчику свойственно и знание живого разговорного языка. В его речи присутствуют разговорные слова, поговорки, которые делают её образной, непринуждённой, яркой, афористичной и обнаруживают в нём человека образованного, всесторонне развитого: *«...мели, что хочешь, не в зазор твоей чести сказано, не в укор помянута, я не Аглатца и не Еленка, так на мне слово твое не повиснет»* [Там же, с. 298]. *«Порядок есть душа общечеловечности, дисциплина – душа службы»* [Там же, с. 303].

Фольклорность повести – ещё одна особенность поэтики В. И. Даля.

В повести присутствуют поговорки (все они зафиксированы в Словаре Даля): *на людей посмотреть и себя показать; типун на язык; попавшегося, как ворона в суп; язык без костей – мелет; мне с ними не детей крестить; Что город, то норы, что деревня, то обычаи, что земля, то проказы; хочешь – верь, не хочешь – не верь; Содом и Гоморра; канул, как снег на голову; скакали во весь дух* [1]. В художественном тексте Даля актуализируется смысл поговорок, сигнализирующих об интенциях героя, его эмоциональном поведении, коммуникативных намерениях, они служат средством оптимизации речевого общения или создания недвусмысленной интерпретации изображаемых реалий.

Анализируемое произведение состоит из 13-ти глав, каждая из которых предваряется эпиграфом, анонсирующим её основную мысль. Так, глава 12 включает в качестве эпиграфа русскую пословицу: *Не по хорошу мил, А по милу хорош!* Поучительный смысл этой пословицы даёт ответ на вопрос, мучивший героя-рассказчика, обращённый к героине повести – Кассандре: *«И он тебе может быть милым?»* [Там же, с. 306].

Даль придаёт значение и невербальным манерам, сопровождающим речевое поведение героев: *постоянная улыбка алых уст Кассандры; обаятельные звуки папуи, баймаков Касаткиных; говорила приветливо: «здравствуй», – положив руку свою на грудь и наклоняя несколько голову; подбежав скоро и смело и сказав с обычным своим выразительным телодвижением: «здравствуй!» – ловко и проворно в тот же миг умела избежать распростертых рук моих, проскользнув под ними. Потом бежала она скоро и, оглядываясь назад, говорила насмешливо: «здравствуй!»* [Там же, с. 289-290]. Искусно представленная автором невербалистика помогает определить эмоциональное состояние героев, усиливает информативную составляющую, способствует экономии языковых средств, дополняет языковые высказывания, усиливает их смысл.

Для именованности лица или описываемой реалии Даль часто использует перифрастические обороты, что, с одной стороны, подтверждает богатый словарный запас писателя, а с другой, – служит средством дополнительной характеристики предметов описания. Например, женщин, ожидающих кавалеров, писатель называет *«три искомые грации»* или *«Я взглянул на прекрасных»*. Говоря о своём излишне эмоциональном коллеге, иностранном докторе медицины, автор именует его *строптивый сын Эскулапа, небожитель, чадо луны*. Как видим, эти антропонимы окрашены незлобивым юмором. Такой же трёхуровневый перифраз обнаруживаем в следующем предложении: *«...красноречивый и убедительный возглас родины моей – казацкая правда, Платова наказ, то есть нагайка, оказала бы здесь самое целебное и благотворное действие!»* [Там же, с. 272]. Фемистокла, героя первой главы, автор именует так: *статный грек, благообразный эллин, пендос* (ироническое прозвище грека, от названия хребта Пинд), *классический атлет, атлет-юноша*. С помощью перифраза, синекдохи автор достигает юмористического, иронического эффекта. Это также одна из стилистических черт писателя.

Использование фразеологизмов позволяет усилить наглядность и образность текста, создать нужную стилистическую тональность, более ярко выразить отношение к сообщаемому, передать авторские чувства и оценки.

В повести «Цыганка» Даль употребляет фразеологизмы из общенародного обихода: *от глубины души; через пень, через колоду, едва переводя дух; плясал до упаду; мал мала меньше; бранил и клял судьбу-индейку; не было покоя ни днем ни ночью; ломать голову; наказала с три пропаста; сама себе на уме; не доверять глазам своим; стар и мал; на каждом шагу; битый день, на скорую руку; святое место порошним не останется; не переводя духа* [1] и др. Колоритность некоторых из приведённых фразеологизмов усиливается в результате их трансформаций (расширения, усечения, замены слов или перестановки), и, таким образом, фразеологизмы утрачивают общезыкового статус и приобретают индивидуально-авторский.

Субэтническая достоверность передаётся лексикой, относящейся к обычаям, нравам, традициям отдельных народов. Детализированно Даль описывает, например, молдавских возниц и их обычаи, употребляя специальную лексику: *сурунджи, арчак, дрожки, полуколяски, недоуздок, шкворень, левая коренная, четверка с выносом, выносные; арбы с дубовыми колесами на тонких боковых осях, которые никогда не смазываются, и потому режут несносно; каруцы, собственно почтовый экипаж; перекладные бывают полтора аршина длины и едва ли более вышины от земли, почему и походят почти на ручные повозки. Вы садитесь, согнув ноги или подвернув их под себя, ямицк верхом на левой коренной, и четверка с выносом мчит вас...* [Там же, с. 272, 273].

Не менее конкретизируется автором описание одежды (*казавейка, скуртайка, фея, кушак, прошева, фесь, мешти, папуши, гайтон*), музыкальных инструментов (*скрыпки, гудки и цымбалы, варганы*) [1]; этнографические подробности прослеживаются и в глуттонической сфере: *Лучший щербет есть род тягучего, искусно приготовленного варенья, которое распускают в воде или запивают водкою; сахар употребляют турки только как мы конфеты...* [Там же, с. 283-284].

На стилистическом уровне обратим внимание на специфику выразительных средств языка в повести Даля «Цыганка». Метафора как образное средство вторичной номинации в анализируемой повести расширяет концептуальное поле художественного текста, служит продуктивным способом выражения авторской художественной мысли. Так, описывая своё душевное волнение при встрече с Кассандрой, Даль употребляет такие метафоры: *предсталла очам души моей Касатка; черные, длинные волосы волнами упали на плеча* [Там же, с. 280]. Метафора помогает выразить ироническое отношение автора к изображаемому: *пел с дикою выразительностью, кривляясь и переливаясь удавкою и икоткою – лучше объяснить этого рода пенья не умею; раскрыл себе лоб* [Там же, с. 296-297].

Метафорические определения часто выстраиваются в ряды однородных членов, усиливая тем самым художественные интенции автора: *развязная, сановитая, молодецкая походка; эти ясные, резкие, классические очерки лица, эти красноречивые глаза, которых грек никогда не потупляет, ибо стыда не знает, это открытое, высокое чело, – все это заключает в себе новогреческую душу, т.е. самого тонкого, бессовестного, наглого и ненасытного плута, готового силою и дракой защитить и поддержать бездельничество свое, почитая его неотъемлемою принадлежностью и собственностью своею!* [Там же, с. 272].

Метафоричны глаголы: *гнездятся нагие цыгане; она, как кошка, летала вверх и вниз по каменной лестнице* [1], они оживляют текст ассоциативными дополнительными смыслами.

Особенной выразительностью отличаются сравнения. Их подразделяем на объективные и субъективные, или аксиологические. Объективными считаем те, в которых кто-то или что-то сравнивается с реальными предметами, например: *зубки, как нить подобранного жемчуга; волосы черноты совершенной, будто под черной финифтью; глаза темно-карие или черные, искрящиеся при каждой встрече взоров, как кремь, ударяясь об огниво; Касатка улыбалась мне, как вешнее утро; статен, как образец; волосы, походившие на черную, как смоль, всклокоченную овчину* [Там же]. Субъективными называем сравнения, в которых сравниваемая часть принадлежит автору, как правило, она носит выраженный оценочный характер: *цыгане сидят как тени Орка вокруг огненных жерл своих; возвращусь домой, как из кунсткамеры!; в сравнении с коим я-то, что божья коровка, по величине своей, противу холмогорского откормленного быка* [Там же, с. 277]. Развёрнутые субъективные сравнения также характерны для стиля Даля: *...все чужие, одни знаки препинания, вопросительные, восклицательные, запятые и двоеточия, без букв, без смысла...* [Там же, с. 294].

В тексте повести встречаются гиперболизированные сравнения: *...щелкал длинным, тяжёлым бичом на коротком кнутовище выносных, так что с них порою шерсть летела* [Там же, с. 272]; *...бояре в шапках с пивной котёл* [Там же, с. 276]. Они создают яркие, выразительные, часто окрашенные юмором образы.

Характерной чертой индивидуального стиля Даля является стилистический повтор, функции которого многогранны. Так, для передачи динамики, неожиданности происходящего использован повтор: *ближе, ближе, с силою бросился кто-то в дверь мою; подходила ближе, ближе и, наконец, захохотав во все горло и ухватив меня руками за оба локтя, воскликнула...* [Там же, с. 303]. Повторы во внутреннем монологе героя усиливают степень разочарования героя-повествователя: *мне не суждено ни очаровывать, ни быть очарованным* [Там же, с. 294]. Так называемые сегментные повторы могут служить средством языковой игры, внося в текст иронический оттенок: *Пусть говорят, а ты не переговаривай всего, что говоришь* [Там же, с. 298]. Часто в повести используется повтор союза, полисиндетон в тексте выполняет усилительно-выделительную функцию: *из окон моих и двор, и ворота, и крыльцо, все в твоих глазах! Ни в деревне, ни здесь; или по болезни, или по домашним обстоятельствам... или по причине истечения срока* [Там же, с. 291].

Многие предложения содержат вставные конструкции, которые относятся к элементам экспрессивного синтаксиса. В повести «Цыганка» встречаются информативные вставки, их роль – сообщить фактуальную информацию с целью уточнить, дополнить, разъяснить что-либо. Например: *шел чокла (Чоклами называются здесь обрекившиеся за плату обязанности ходить за чумными и хоронить их. Они обыкновенно уже перенесли сами чуму и потому в продолжение одной и той же эпидемии редко вторично заболевают)* [Там же, с. 304]. По объёму такие вставки, как видим, могут быть значительно больше, чем основное предложение.

Этнографизм и документализм повести выражаются в воспроизведении речи молдаван, казахов, евреев, французов, греков, и здесь вставные конструкции, содержащие перевод, раскрывающий смысл той или иной фразы, выполняют функцию интерпретации: *Одна из дам сказала со вздохом: «non, ce n'est pas lui» (Нет, это не он – фр.), – и они отошли от окна* [Там же, с. 281]. «*Ла ждума! Ла ждума!*» (Чума, чума! – молд.) [Там же, с. 304].

В ходе исследования зафиксированы вставные конструкции, выполняющие эмоционально-экспрессивную или эмоционально-оценочную функции: *«Он уже собрался было ехать, стегал и собирал бичом коней своих, которые как раки расползлись во все стороны, путал и распутывал возжи и постромки, которые толщиною своею между собою несколько не отличались, как вдруг – велик бог русский! – идет по дороге цыган...»* [Там же, с. 273].

Весьма репрезентативным средством индивидуального стиля Даля служат эпитеты, которые придают предмету дополнительную эмоциональную характеристику, причём Даль использует различные виды эпитетов: описательные (*кочевая и бивачная жизнь; черного, грязного, курчавого, черноокого коваля; тёмный, тихий прекрасный вечер*); оценочные (*строгая девка, бескорыстное приветствие, плоскодонные шутки; молодой, ловкий, сильный цыган; милая пленница, убедительное красноречие, неслыханное своеволие, пленительные прелести, дикая выразительность, притуплённый туманный взор, зверские побуждения, благочестивое уважение*); эмоциональные (*невольный ужас, неусыпаямая боязнь*) [1].

Для идиостиля В. И. Даля характерной составляющей служат эпитеты, выраженные прилагательными в превосходной степени, которые сообщают признаку большую насыщенность, интенсивность, оценочность,

яркость, дополнительную коннотацию: *знаменитейших и славнейших красавиц здешних; отдохнуть мыслями и взором на предмете отраднейшем; одну из непослушнейших кляч своих...* [Там же] и пр. Нередко употребляют сложные формы прилагательного вроде *изжелта-смуглый цвет лица; глаза тёмно-карие* [Там же, с. 286].

Поэтике Даля присущи меткие, образные этнометрические характеристики, сложившиеся у писателя благодаря пристальным наблюдениям за традициями, обычаями народов и вылитые в афористичные суждения: *молдаваны робки от природы; турки и молдаване весьма лакомы; у турок кофе в неимоверном употреблении; излишнее немецкое честолюбие; цыганы большею частью природные музыканты. Женщины всех сословий и званий – неимоверные охотницы до нарядов; подарки, по турецкому обычаю, в большом обыкновении и в чести* [Там же, с. 278-279].

Итак, исследование показало, что идиостиль Даля в анализируемом произведении воплощен целым ансамблем лексических и стилистических средств, в выразительно-образном активе писателя – богатая палитра разнообразных тропов, синтаксических фигур речи, служащих изображению русской жизни первой половины XIX в. Все художественные приёмы, гармонически сочетаясь, отражают интенции автора, связанные с достоверностью изображаемого на разных уровнях языка.

Специфика идиостиля Даля в «Цыганке» представлена предельно эксплицитно, в ней отражена особая лингвоэнергетика: сила, красота, богатство и выразительность русского языка, которые достигаются благодаря введению в него лексико-семантических и художественно-выразительных средств, присущих народно-разговорной речевой стихии, которую Даль знал как никто другой, поскольку им составлен «Словарь живого великорусского языка», тесно связанный со всем его художественным наследием. Употребление разнообразных выразительных средств языка отражает богатый языковой опыт работы со словом, народность и художественность рассматриваемого произведения.

Идиостиль В. И. Даля уже в первом его произведении характеризуется колоритным описанием быта, нравов и обычаев народа. Этнографизм или, как говорит сам Даль, «народообычье» [2, с. 666] проявилось в полную силу в анализируемой повести в индивидуализированной речи героев, в ярких красках описания одежды, предметов быта, средств передвижения, кухни, семейных взаимоотношений, других традиций.

Знарок устного народного творчества, Даль не мог не обнаружить в повести свою любовь к меткому слову – поговоре, поговорке, афоризму. Фольклоризм – яркая составляющая идиостиля Даля, которая уместно, органично вплетена в художественную ткань произведения, сообщает ему однозначность трактовки сложных коммуникативных ситуаций, интеллектуализирует текст, придаёт ему лиризм, усиливает эмоциональную составляющую.

Романтическое начало – это также немаловажная особенность писательского труда В. И. Даля, которая актуализируется романтически приподнятой лексикой, лишённой известных штампов. В центре его произведения герои, не разделяющие собственнические ценности общества, порождающие эгоизм; выше всего ставящие свободу. Они великодушны, не мелочны, далеки от имущественных забот, им присуща пламенная любовь, кипящие страсти, мир песни, пляски, веселья – это их родная стихия.

В ряд идиостилевых черт творчества В. И. Даля можно включить документализм, т.е. произведение Даля – это не только явление эстетической культуры, но и своеобразное свидетельство общественной жизни определённого исторического периода. Усиливают достоверность, убедительность произведения географические названия, упоминание общественно значимых документов, отражающих исторические стратегии власти, имитация речи разных народов, что способствует расширению социального опыта читателя, художественному освоению реальной жизни.

И сегодня, спустя 186 лет после выхода в свет повести В. И. Даля «Цыганка», остаётся актуальной, справедливой и обоснованной оценка этого произведения издателем журнала «Московский телеграф» Н. А. Полевым, который восхищался дебютной повестью В. И. Даля и отмечал, что в ней «превосходный рассказ соединен с изяществом основной мысли. Эта бедная, покрытая рубищем Кассандра, – какое поэтическое лицо! И как хороши все подробности, все лица, все оттенки в этой повести! Какое знание сердца человеческого!» [6, с. 243].

Список источников

1. Даль В. И. Повести и рассказы. М.: Советская Россия, 1983. 432 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. СПб.: Диамант, 1996. Т. 4. 688 с.
3. Котюрова М. П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 95-99.
4. Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. 793 с.
5. Лотман Ю. М., Минц З. Г. «Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская тема» у Блока // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 246-293.
6. Сочинения и переписка П. А. Плетнёва: в 3-х т. СПб.: Императорская Академия наук, 1885. Т. 3. 745 с.
7. Тургенев И. С. Повести, сказки и рассказы Казака Луганского // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М., 1978. Т. 1. С. 277-280.
8. Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: истоки, тип творчества, история развития [Электронный ресурс]: дис. ... д. филол. н. М., 2004. 516 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/etnograficheskoe-napravlenie-v-russkom-literaturnom-protsesse-xix-veka-istoki-tip-tvorchestva>#ixzz4c5EFSzUd (дата обращения: 22.03.2017).
9. Чернышевский Н. Г. Картины из русского быта В. Даля // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15-ти т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. VII. С. 983-986.

**THE SPECIFICITY OF V. I. DAL'S INDIVIDUAL STYLE
IN THE STORY "GYPSY" (LEXICO-STYLISTIC ASPECT)**

Tarasenko Tat'yana Petrovna, Ph. D. in Philology
Kuban State University, Krasnodar
tarasenkotp@mail.ru

The research is devoted to the analysis of the individual style features contained in the story "Gypsy" by V. I. Dal. The idiolect of the writer is considered at the lexical and stylistic levels of the language. Linguistic and stylistic-textual peculiarities of the work are associated with such its characteristics as the language dominant of the narration, ethnographism, documentary nature, folkloric nature, romanticism.

Key words and phrases: individual style; ethnographism; folklorism; onomastics; oikonyms.

УДК 811.161.1

В работе рассматриваются русские устойчивые сравнения с эталоном «ребенок» в сопоставлении с китайским языком. Выявляются сходства и различия в наборе оснований сравнений в двух языках и причины этих языковых явлений. Делаются выводы о том, что сходства обусловлены универсальными свойствами личности, поведения детей, их социальным статусом, а различия – особенностями национального менталитета, принятыми в культуре нормами поведения. Отмечаются и объясняются случаи опущения основания сравнения русских единиц и расширение эталона сравнения.

Ключевые слова и фразы: устойчивое сравнение; эталон; основание сравнения; культура; менталитет.

Чжан Личэн

Санкт-Петербургский государственный университет
Licheng.zhang@mail.ru

**РУССКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С ЭТАЛОНОМ «РЕБЕНОК»
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Термин «устойчивое сравнение» понимается нами как устойчивое сочетание, представляющее собой образное средство языка, которое «обычно является результатом многовекового употребления» [2, с. 4-5]. Устойчивые сравнения (далее – УС) выделяются ярко выраженной национально-культурной спецификой в каждом национальном языке, «выявление универсальных черт сравнительных конструкций сопоставляемых языков облегчает понимание этнокультурной специфики: каждый народ по-своему воспринимает окружающий мир и, следовательно, по-своему создает языковую картину мира» [1, с. 66]. При этом важную роль играет одна из частей УС – эталон сравнения, так как он, как правило, детерминирован в сознании представителей определенной лингвокультуры их мировидением, системой ценностей, историко-культурным контекстом, повседневным бытовым укладом и жизненным опытом. По мнению В. Н. Телия, УС – это система образов-эталонов [5, с. 241-242], поэтому особую важность имеет изучение устойчивых сравнений двух языков, имеющих один и тот же эталон, для выявления различий в основаниях, или реже – в субъектах сравнения, благодаря чему можно сделать выводы о национально-культурных особенностях устойчивых сравнений и причинах их возникновения в языке.

В данной работе объектом анализа являются УС с эталоном «ребенок», так как они многочисленны и очень частотны в русской разговорной речи и художественной литературе. Эти единицы требуют изучения в сопоставлении с китайским языком, где также наличествуют сравнения с этим эталоном, для выявления сходств и различий в двух языках, обусловленных национальным мировидением, особенностями двух лингвокультур, с целью дальнейшей презентации русских УС в китайской аудитории продвинутого этапа обучения. В словаре устойчивых сравнений русского языка В. М. Мокиенко [3] зафиксировано 43 УС с эталоном «ребенок»: например, *слабый, незащитный, наивный, беспечный, беззаботный, беспомощный, доверчивый, глуп, лежать (валяться), вести себя, смеяться / рассмеяться (хохотать / захохотать), играть как [малый, маленький] ребёнок, щеки у кого-либо как у ребенка* [Там же, с. 361-363] и т.д. При этом автор словаря дает каждому УС толкование и приводит субъект сравнения, в основном это человек, чаще всего взрослый, и щеки человека. Например, УС *щеки у кого-либо как у ребенка* – ‘об очень круглых, пухленьких, гладких (часто со здоровым румянцем) щеках взрослого или пожилого человека’ [Там же, с. 362]. На первых десяти страницах «Национального корпуса русского языка» [4] было обнаружено 35 контекстов употребления УС с интересующим нас эталоном – это те сравнения, что уже отмечены в словаре В. М. Мокиенко. Мы выявили статистику их употреблений и получили следующий результат: самым частотным основанием является